

колонизации окраин и одновременно роль миграций в истории классовой борьбы в России, включая крестьянские войны XVII—XVIII вв.

Р. Керо остановился на анализе исторически менявшихся причин миграции из Финляндии в США, в частности на роли воинской повинности. Весьма содержательными были его анализ состояния источников, как финляндских, так и американских, оценка размеров незарегистрированной эмиграции через Швецию и значения реэмиграции, которая достигала 15—25% мигрантов.

Внимание участников симпозиума привлек также доклад В. В. Лапина, продемонстрировавший роль армии и воинской службы в развитии миграций, а также роль армии как экономического фактора, воздействовавшего на хозяйственные ситуации в некоторых губерниях России, особенно западных. Он коснулся также роли отставных солдат в миграционных процессах.

А. А. Эйдинтас построил свой доклад на документах, выявленных им в архивных хранилищах США. Он показал, как сложно переплеталась так называемая «трудовая миграция» с миграцией, обусловленной социальными и политическими причинами.

Следует отметить прекрасную организацию работы симпозиума. Здесь, несомненно, сыграла свою роль сложившаяся традиция предварительного ознакомления с материалами предстоящего симпозиума, ограниченное число участников, их открытая заинтересованность в обсуждавшихся проблемах и то внимание, которое проявляли учебные заведения и общественные организации Турку к проходившему симпозиуму.

В заключение двусторонней встречи состоялось обсуждение тем следующего, XI симпозиума, который намечен на 1990 г. в Вильнюсе. По обоюдному согласию приняты две темы: «Формирование национальной интеллигенции в Финляндии, Прибалтике и России» и «Производство сельскохозяйственных продуктов и торговля ими в восточной части Балтийского моря в XIX—XX вв.».

К. В. Чистов

III МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОМИТЕТА ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

С 5 по 10 апреля 1988 г. в г. Мишкольце (ВНР) состоялась очередная III Международная конференция Комитета по исследованию этнографического изображения при Международном обществе этнологии и фольклора Европы (МОЭФЕ). Конференция была проведена совместно с Отделом по исследованию визуальной культуры Музейного управления Боршодской области и Музеем имени Отто Германа.

Институт этнографии АН СССР с 1967 г. является коллективным членом Международного общества этнологии и фольклора Европы и принимает активное участие в его деятельности. Директор института Ю. В. Бромлей является вице-президентом МОЭФЕ и вместе с Л. М. Дробижевой входит в состав Бюро Административного совета МОЭФЕ.

В последнее время в отечественной и зарубежной этнологии значительно возрос интерес к относительно новым видам этнографических источников, в частности к иконографическим. Как правило, визуальный материал привлекался в качестве иллюстративного и рассматривался как предмет народного творчества. По этой причине исследовались немногие виды изобразительного искусства, а также узкий круг проблем. Совершенно новый подход к изучению иконографического материала был продемонстрирован на первой конференции, состоявшейся в 1984 г. в г. Лунд (Швеция); ее результаты были опубликованы в недавно вышедшем сборнике «Человек и изображение»¹. На этой конференции был поставлен вопрос об исследовании коммуникативной функции изобразительного материала: в таком понимании важен не столько анализ внешних достоинств «картинки», сколько степень ее воздействия на человеческое сознание и роль в жизни общества. Вторая конференция, которая состоялась в 1986 г. в г. Геттингене (ФРГ), уточнила сведения об истории, распространении, функциях и значении технических средств производства европейских народных картинок.

Основная тема третьей конференции — «Изобразительные традиции — народные традиции». Целью мероприятия было рассмотреть визуальную культуру крупной социальной группы — крестьянства. Особое внимание было обращено на традиционные познания, относящиеся к изображению и его применению. В понятие «этнографическое изображение» («картинка») были включены гравюры, книжные иллюстрации, скульптура, настенные росписи, фотографии и т. д.

В работе конференции приняли участие 34 ученых из 14 стран Европы: ВНР, ГДР, НРБ, СРР, СССР, ЧССР, Австрии, Бельгии, Дании, Западного Берлина, Испании, Норвегии, ФРГ, Швеции. На церемонии открытия участников приветствовал президент МОЭФЕ, норвежский фольклорист Р. Квиделанд, который отметил регулярность созываемых международных мероприятий в рамках общества и связал это с успешным проведением II конгресса МОЭФЕ в 1982 г. (Суздаль).

¹ Man and Picture. Papers from the First International Symposium for Ethnological Picture Research in Lund 1984. Stockholm, 1986.

Основу научной программы конференции составили те выступления, которые были непосредственно связаны с аспектами этнографического исследования изобразительного материала. К ним относится прежде всего доклад шведского ученого Н.-А. Брингеуса «Картинка как исторический источник». Докладчик отметил, что большую роль в Швеции и других европейских странах сыграла книга Амоса Коменского, изданная в 1658 г. в Германии, в ней на 152 гравюрах изображены сцены труда крестьян. Многие шведские популярные гравюры были созданы по аналогичным образцам и имели самую непосредственную связь с рабочим календарем крестьянина и годичным циклом его сельскохозяйственных работ. Насыщенным фактологическим материалом был и доклад С. Ковачевичевой (ЧССР) «Картинки как источник непрерывности народного искусства». Основной целью выступления было показать историческое развитие народного искусства в Словакии на примере почти 10 000 изображений, определить связь между культурой различных слоев общества, место и значение историко-этнографического метода, символику различного рода визуальных источников. Эскурсе в далекое прошлое проделал В. Брюкнер (ФРГ), обратившись к крестовому походу против крестьян в XIII в. На широком изобразительном материале он попытался вскрыть идеологическую мотивировку преследования крестьян со стороны церкви.

В следующих сообщениях картинка служила иллюстрацией повседневного образа жизни крестьян, а также их обычаев и обрядов.

В итоге сравнительного анализа символических изображений на предметах домашнего быта крестьян — посуде, мебели, свадебных сундуках и т. п. — К. Чиллери (ВНР) в докладе «Картинка в моей деятельности как исследователя-этнографа» пришла к выводу, что они дают ценный материал для исследования основных традиционных институтов сельской общины. Об этом же говорил австрийский ученый Л. Петзольдт («К проблеме изображения крестьянских обычаев: на примере одного народного праздника»). Даже такой тривиальный вид изобразительного искусства, как почтовая открытка XIX—XX вв., по мнению Г. Волфа (ФРГ), отражает многочисленные обряды народов Европы («Народные обряды на почтовых открытках»).

На сравнительно небольшом материале А. Хартманну (ФРГ) удалось показать, как важно не просто увидеть в картинке иллюстрацию того или иного обряда, но и определить его социальную значимость. Именно поэтому он продемонстрировал иллюстрации одной книги XIX в. («Изображения танцующих крестьян»), которые являются источником сведений о характере жителей Альтенбурга: их лица, жесты, позы создают исторически стереотипный образ крестьянина. Как отметил докладчик, важно не то, как одет крестьянин, а как он стоит. Ту же мысль продолжает М. Андерсен (Дания), более полно раскрывая проблему самоутверждения крестьянства в буржуазной Дании XIX в. на примере широкого изобразительного материала. При этом он показывает не столько тенденцию сохранения народных традиций, сколько стремление перенять городскую, преимущественно мещанскую, интерпретацию образа жизни и манеру поведения, что особенно отразилось в элементах одежды.

Объектом исследования чехословацкого ученого Р. Ержабека стали чешские и моравские рукописные книги рубежа XVIII—XIX вв. («Маргиналии: к методологии народной иконографии»), большинство которых относятся к периоду национального Возрождения. На примере иллюстраций книги 1831 г. автор поставил проблему классификации этих иконографических источников с точки зрения той социальной среды, в которой они создавались.

В докладе «Венгерский крестьянин как восточная тема» К. Сликко (ВНР) показала, как постепенно складывался образ крестьянина в национальной культуре XIX—XX вв., подтвердив это различным фольклорным материалом. В сообщении О. Дангуловой (ЧССР) «Пейзаж как тема народного искусства» идиллические картинки на стекле 50—70-х годов XIX в. предстали как яркий пример фольклоризации профессионального художественного стиля в сельской среде. Они несут черты графических традиций того художественного стиля XIX в., который отвечал «улучшенному» провинциальному вкусу. В целом они являлись выражением романтических идеалов сельской общины, поэтизацией прошлого, тем самым компенсацией банальности повседневной жизни.

Следующую группу составили доклады, ориентирующиеся на выявление культового предназначения изображения. Цель сообщения испанского ученого Д. Переса «Апострофические печатные листы в Испании» — проанализировать барселонские и каталонские картинки XVIII—XX вв., имевшие религиозную функцию. Адресуя их определенному святому, люди искали защиту против болезней, природных катастроф («дьявольского духа»). В докладе анализ наиболее важных элементов этих изображений дополняется исследованием других источников, превращающих популярные картинки в настоящие «объекты силы». По существу их можно сравнить и с русскими апокрифическими картинками, которые распространялись преимущественно в старообрядческой среде того же времени.

Ряд изображений на культовых сооружениях продемонстрировал румынский ученый Л. Марку из «Некоторые аспекты визуальной антропологии: на примере погребальных монументов из Сапинты в Марамуреше»). Автор предложил своеобразный материал: цветные изображения на надгробьях сопровождаются стихами, в которых повествуется о жизни покойного. Известный под названием «Веселое кладбище» вследствие красочности картинок и текста стихотворных биографий, этот погребальный комплекс в Северо-Западной Румынии дает уникальную возможность познакомиться с проявлением народного способа мышления. Изображения должны не только обессмертить покойного, но и увековечить историческую память. К докладу Л. Марку примыкает доклад Л. Микова (НРБ) «Антропоморфная ритуальная пластика: знаки, символы, мастера», по-

священный ритуальным атрибутам в славянской культурной традиции периода позднего средневековья. На обширном материале, включающем религиозную символику русских, украинских, польских, болгарских и других народных обрядов, он убедительно показал социальную универсальность этих антропоморфных изображений.

Многие картины XIX в. как бы иллюстрируют те или иные черты материальной культуры крестьянского населения Саксонии, Баварии, Швейцарии (доклад Г. Бенкер, ФРГ, «Изображения хозяйственных дворов»). В Швеции виды традиционной усадьбы служили не просто частью живописного интерьера крестьянских домов первых десятилетий XX в., они несли сведения о постройках в прежние времена, садах, украшениях домов (выступление К. Хеммингсон, Швеция, «Изображение усадьбы художником из Упланда: его работы и легенды о нем»). Картины такого рода были особенно популярны у шведских эмигрантов в США: они помогали сохранять память о далекой родине и были распространены вплоть до начала второй мировой войны.

Продолжительными дискуссиями сопровождался доклад М. Пельтцер (Бельгия) «Интерпретация русской картины XVIII—XIX вв.». Сатирическая графика 1812 г. была представлена как образец «академического» искусства. Сопоставляя ее с традиционными видами народного творчества, а также с западной иконографией (преимущественно английской), автор дала свое «прочтение» русских картинок 1812 г. Их создатели, по ее мнению, идеализировали образ русского крестьянина, представляя его как «символ моральных ценностей» и прогивопоставляя его «бессовестному» иностранному завоевателю. Эта идеализация подтверждается цитатами из прессы того времени. Логичным продолжением этого выступления был доклад Т. А. Ворониной (СССР) «Место и функции лубка XIX в. в системе народной культуры». Докладчица остановилась на тех причинах, которые в 20—60-е годы XIX в. обусловили тематический репертуар лубочных картинок, и на особенностях их бытования среди горожан и крестьянства. Она подчеркнула важность историко-этнографического аспекта исследования проблемы, который позволяет более четко выявить роль лубка в жизни общества, его социальную обусловленность и ориентированность. Это предполагает также определение связи лубка с другими областями культуры (устный фольклор, народное и профессиональное искусство и т. д.). Интерес к русскому лубку не случаен. Он вызван значительным сходством отечественного материала с западноевропейской иконографией. Этот факт стал поводом для ряда публикаций за рубежом и продолжающихся дискуссий в последние годы, особенно после ретроспективных выставок лубка во многих странах Европы.

В группе других докладов была дана оценка работам профессионального уровня: К. Пиеске (ФРГ) — «Особенности жанровой графики XVIII—XIX вв.»; К. Возель (ГДР) — «Дети в картинках». Особое внимание Г. Тюскеш и Э. Кнапп (ВНР) уделили текстам, сопровождающим серию иллюстраций из книг «чудес» эпохи барокко.

В течение XX в. и особенно после второй мировой войны произошли существенные изменения во всех областях жизни, что запечатлела фотография. В 50—60-е годы она становится одним из средств выражения массовой культуры. Это стало темой еще одной группы докладов. Фотография отражает не только наиболее важные личные моменты, но зачастую передает хронику общественной жизни локальной этнической группы (Э. Вайнлих, Австрия, — «Фотография как часть народного обряда»). В другом случае она рассматривается как источник для более полного раскрытия этнической идентификации, например фотографии венгров, живущих в США (М. Холпал, ВНР, — «Визуальная антропология: рефлексивность в антропологии»). Венгерский ученый Э. Кунт использовал фотоснимки в качестве таких символов культурной идентификации, как память и забвение («Вспомнить и забыть: на примере семейных фотографий венгерских крестьян»). В докладе У. Хейсинг-Пилсинг (ФРГ) «К проблеме частной фотографии» говорилось о появлении определенных стереотипных форм.

В качестве еще одного визуального источника было привлечено телевидение. Так, в докладе К. - Д. Рат (Западный Берлин) «Жизнь крестьян в программе телевидения — телевидение в жизни крестьян» говорилось о том, как крестьяне используют телевидение для борьбы за свои права (например, активно выступают против употребления химических средств в сельском хозяйстве).

Все доклады сопровождалась демонстрацией слайдов, видеофильмов, но некоторые отличались излишней иллюстративностью и не ставили конкретных проблем. Заключительная дискуссия показала различные подходы: часть специалистов была склонна рассматривать картинку очень узко, другие же призывали этнографов привлекать адекватный инструментарий других дисциплин. С их точки зрения, этнографы должны изучать не только народную (популярную) визуальную культуру, но и развитие визуальной семиотики. Поэтому решено было разработать более точные определения таких терминов, как «картинка», «изображение», «визуальная антропология», «визуальная культура».

В итоге состоявшихся выступлений многие западные коллеги отметили небольшой объем информации о ведущих в социалистических странах и особенно в СССР исследованиях: резюме периодических журналов этих стран явно недостаточны. В такой ситуации международные конференции МОЭФЕ позволяют обмениваться информацией, дополнить библиографический багаж той или иной области науки и в целом осуществить плодотворную научную кооперацию с целью дальнейших совместных исследований.

Т. А. Воронина